





216
504

М. А. Горановскій.

(Товар. Предсѣдателя Окружнаго Суда).

ХУЛИГАНСТВО



МѢРЫ БОРЬБЫ СЪ НИМЪ.

Цена 50 копѣекъ.

ГРОДНА
Губернская Типографія.

1913.



2011136545



Хулиганство и мѣры борьбы съ нимъ.

.... „Въ нашъ злой, развратный вѣкъ
и добродѣтель должна просить прощенья
у порока“. (Шекспиръ).

Хулиганство—явленіе у насъ ненормальное, а родственное прежнему озорству, ибо оно, имѣя съ нимъ одно общее начало своего происхожденія, только культивировалось эволюціею жизни въ новые, чуждые озорству, совершенно преступнаго характера форму и видъ,—въ дѣяніяхъ прежнихъ озорниковъ усматривалось больше шалости, иногда грубой и дерзкой, чѣмъ проступка, по относительной безвредности ихъ выступленій, а хулиганы—озвѣрѣлые преступники.

✓ Питомникомъ нашего озорства были и есть брошенные на произволъ черствымъ людскимъ эгоизмомъ дѣти,—дѣти, лишенные ласки матери, заботы отца и загнанные людскимъ безсердечіемъ въ разныя трущобы, гдѣ алкоголь и самый грубой развратъ, разрушая тѣло, растлѣваетъ душу этихъ заброшенныхъ и обездоленныхъ дѣтей.

✓ Опасность для общежитія наличности такихъ дѣтей была признана у насъ еще при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, который въ 1682 г. повелѣлъ своимъ указомъ учредить для нихъ избы, чтобы обучать ихъ въ этихъ избахъ наукамъ и ремесламъ; но общественное сознаніе того времени, по своему недоразвитію, не могло постигнуть глубокаго соціального смысла учрежденія таковыхъ избъ и вслѣдствіе сего онѣ не

привились къ жизни, за отсутствіемъ у общества сознанія въ полезности и необходимости ихъ, какъ мѣры предупрежденія накопленія, въ лицѣ этихъ дѣтей, опасныхъ для общежитія элементовъ.) Засимъ, съ теченіемъ времени, случилось то, что всегда случается: люди, по особенностямъ своей души находятъ интересъ въ предметахъ, болѣе отъ нихъ отдаленныхъ, чѣмъ близкимъ къ нимъ, привыкли, приглядѣлись къ этимъ обездоленнымъ дѣтямъ и ихъ вниманіе къ нимъ настолько притупилось, что они совсѣмъ утратили способность вникать во внутренній смыслъ этого печальнаго соціального явленія, — проглядѣли его, не сознавая, что закрывать глаза на него, въ виду неприменимости закона общественнаго взаимодействія, опасно.

При такомъ пассивномъ, безпечномъ отношеніи общества, кругъ озорниковъ, ширился и ширился, комплектуясь людьми, сбившимися съ пути, нравственно опустившимися, образуя кадръ людей — озорниковъ новой фармаціи, отгѣсненныхъ съ жизненнаго пути въ берлоги алкоголя и грубаго разврата.

Эта преступная, такъ сказать, накупъ жизни, хотя представляла грозное соціальное явленіе, держалась въ тѣни трущобъ и если выползала на улицу, то проявляла свое озорство въ нищенствѣ, иногда съ грубостью и обидою словомъ, — но проповѣдь „непротивленія злу“ Льва Толстого и литературная дѣятельность Максима Горькаго, который въ своихъ произведеніяхъ возвелъ озорника — хулигана въ героя, всколыхнули муть „дна“, — того „дна“, изъ котораго Максимъ Горькій черпалъ свое вдохновеніе, а революція 1904 — 1905 г.г. довершила дѣло: она вызвала озорниковъ-хулигановъ изъ трущобъ на улицу, какъ

своихъ пособниковъ разрушенія, и они, почуявъ свободу, въ смыслъ свободы озорства и безнаказанности его, стали проявлять себя, какъ звѣри, вкусившіе крови, открыто, во всей полнотѣ своей порочной натуры, разными преступными выступленіями.

✓М. И. Михельсонъ говоритъ, что хулиганы— „это большею частію дѣти, которыя съ перваго дня существованія своего, по разнымъ причинамъ, оставшіяся безъ призрѣнія со стороны родныхъ и не попавшія въ пріютъ, выросли въ ужасной трущобной средѣ. Если дѣти, воспитанныя при нормальныхъ условіяхъ, приходя въ возрастъ такъ называемыхъ у нѣмцевъ „Kegeljahre“ (возрастъ оболтусовъ), позволяютъ себѣ болѣе или менѣе грубыя выходки, свойственныя этому возрасту, то чего можно ожидать отъ тѣхъ несчастныхъ созданій, которыя, проживая въ ужасныхъ трущобахъ и съ перваго крика своего (конечно, болѣзненнаго, а не ликующаго), по случаю вступленія своего въ свѣтъ,—вмѣсто любви, материнской заботливости, или хотя бы жалости,—знаютъ только голодъ и холодъ при ужасной обстановкѣ. Ругань, безсердечіе, избіеніе жалкаго тѣльца, искалѣченіе (по методѣ компрачикосовъ), для возбужденія жалости при прошеніи милостыни, приученіе ко лжи, къ воровству, знакомство съ сквернословіемъ, всяческими циничными разговорами и развратомъ: все это въ извѣстномъ возрастѣ приноситъ свои плоды: этотъ плодъ —покинутый людьми, голодный, ни къ чему доброму не направленный, развращенный и озлобленный хулиганъ, безотчетно тѣшащій свою душу, такъ какъ ему терять нечего“.. (С.-П. Вѣдомости 19¹⁸04 г.).

Таково, въ общихъ чертахъ, происхожденіе, въ его развитіи, нашихъ хулигановъ, свидѣтельствующее,

что хулиганы не рождаются таковыми, а вырабатываются, какъ накупъ нравственнаго разложенія. выбрасываемая волною жизни изъ своей среды.

Обращаясь къ тому, въ чемъ хулиганы проявляютъ себя у насъ, намъ кажется, что не все, содѣваемое хулиганами, имѣетъ, по своимъ признакамъ, характеръ хулиганскаго преступленія, т. е. преступленія особаго, вызывающаго, по своей природѣ, необходимость въ новомъ карательномъ законѣ, спеціально для него установленномъ.

Такъ мы полагаемъ въ виду того, что многое изъ содѣваемого хулиганами ничѣмъ не выдѣляется, по своимъ мотивамъ и цѣли, понятнымъ съ уголовной точки зрѣнія, изъ ряда преступленій и проступковъ, предусмотрѣнныхъ улож. о наказ. и мировымъ уставомъ, и совершаемыхъ и не хулиганами — и въ таковыхъ преступныхъ выступленіяхъ хулигана хулиганскимъ элементомъ является исключительно только то, что преступленіе совершено хулиганомъ, т. е. человѣкомъ съ особо притупленнымъ нравственнымъ чувствомъ, — человѣкомъ необузданной, озвѣрѣлой натуры, каковое обстоятельство, по нашему крайнему разумѣнію, не можетъ быть иначе трактуемо, какъ обстоятельство, исключительно вліяющее только на мѣру наказанія за содѣянное преступленіе, но не какъ квалифицирующее его въ особое преступленіе; но такъ какъ нашъ уголовный законъ, говоря объ обстоятельствахъ, уменьшающихъ и увеличивающихъ вину, не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, то представляется желательнымъ восполнить этотъ пробѣлъ положительнымъ указаніемъ на то, что „хулиганство“ содѣявшаго преступленіе является обстоятельствомъ, увеличивающимъ его вину.

Такъ какъ слова: „хулиганъ“, „хулиганство“ чужды русскому языку, а должны войти въ уголовный законъ, какъ юридическій терминъ, то желательно, чтобы эти слова были замѣнены словами: „озорникъ“, „озорство“, съ указаніемъ тѣхъ признаковъ, по коимъ содѣявшій преступленіе долженъ быть признанъ озорникомъ, а содѣянное преступленіе — преступленіемъ озорническаго характера. Въ основаніе такихъ указаній должно лечь то, кого и за что русскій народъ называетъ озорниками.

По народному возрѣнію, озорники — это бездѣльники, лѣнтяи, буяны, тѣшашіе себя издѣвательствомъ и обнаглѣлыми, преступными выступленіями, какъ противъ старшихъ и власть имущихъ людей, такъ и противъ другихъ, безъ всякаго къ сему повода, ради потѣхи своей порочной натуры.

Наблюдая хулиганскія выступленія, у насъ сложилось убѣжденіе, что изъ всего, содѣиваемаго хулиганами, обращаетъ на себя вниманіе, какъ особое хулиганское преступленіе, это причиненіе хулиганами обидъ, ранъ, увѣчья и другихъ поврежденій здоровью, въ виду того, что изъ всего, содѣиваемаго хулиганами, только этотъ родъ ихъ выступленій имѣетъ свою особую психологію, отличающуюся отъ психологіи преступленій вообще тѣмъ, что общіе стимулы преступленій, понятные съ уголовной точки зрѣнія, отсутствуютъ въ причиняемыхъ хулиганами обидахъ, ранахъ, увѣчьяхъ и другихъ поврежденіяхъ здоровью; во всемъ же остальномъ изъ содѣиваемаго хулиганами имѣются налицо всѣ тѣ же побужденія или стимулы, которыми вызываются преступленія вообще.

Это обстоятельство, на первый взглядъ, даетъ основаніе какъ бы для заключенія, что хулиганскія обиды, раны, увѣчья и другія поврежденія здоровью,

характеризуясь безмотивностью, безцѣльностью и проявляясь противъ людей, впервые встрѣтившихся съ хулиганомъ, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, представляются, по этой своей особенноти, какъ бы дѣяніемъ душевно-больныхъ людей, но, глубже вникая въ существо таковыхъ преступныхъ выступленій хулигановъ, слѣдуетъ придти къ противоположному заключенію, ибо въ нихъ усматриваются особые, специально хулиганскія мотивы и цѣль.

Такъ мы полагаемъ, учитывая то обстоятельство, гдѣ проявляются и противъ кого, въ большинствѣ случаевъ, хулиганскія обиды, раны, увѣчья и другія поврежденія здоровью направляются, и намъ думается, съ этой точки зрѣнія, что таковыя хулиганскія выступленія имѣютъ свой специально хулиганскій мотивъ, вытекающій изъ озлобленной, озвѣрѣлой натуры хулигановъ: хулиганъ подобно тому, какъ животное раздражается краснымъ цвѣтомъ, раздражается всѣмъ тѣмъ, которое носитъ на себѣ признаки власти, интеллигентности и достатка, какъ элементами ему враждебными, и онъ своими таковыми выступленіями, противъ всего этого открыто, на улицѣ стремится выразить публично свое враждебное, презрительное отношеніе, въ лицѣ потерпѣвшихъ, представителямъ власти, интеллигентнымъ и пользующимся достаткомъ людямъ, — потѣшая таковыми выступленіями свою порочную, озвѣрѣлую натуру.

✓ Поэтому характеризовать преступныя хулиганскія выступленія, какъ безмотивныя, безцѣльныя, нѣтъ, на нашъ взглядъ, достаточно къ сему основанія, тѣмъ болѣе, что, при такой характеристикѣ, дѣянія хулигановъ будутъ не наказуемы, какъ дѣянія душевно-больныхъ людей, ибо, по дѣйствующему уголовному закону, преступленія безмотивныя, без-

цѣльныя совершаютъ только сумасшедшіе люди, съ которыми болѣе дѣла психіатріи, чѣмъ обществу и юстиціи.)

Исходя изъ высказанной нами точки зрѣнія на причиненіе хулиганами обидъ, ранъ, увѣчья и другихъ поврежденій здоровью, это ихъ преступленіе должно быть опредѣляемо, какъ преступленіе, имѣющее своею цѣлью выразить содѣяніемъ его публично враждебное, презрительное отношеніе, въ лицѣ потерпѣвшихъ, къ представителямъ власти, интеллигентнымъ и пользующимся достаткомъ лицамъ, безъ всякаго къ сему повода.

Разсматривая это преступленіе по намѣреванію и цѣли содѣянія его, въ связи съ тѣмъ, что уголовный законъ, опредѣляя наказаніе за причиненіе обидъ, ранъ, увѣчья и другихъ поврежденій здоровью, имѣтъ въ виду, такъ сказать, мотивы житейскихъ отношеній между обидчикомъ и потерпѣвшимъ,—каковой элементъ совершенно отсутствуетъ въ разсматриваемомъ преступленіи,—слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, признать, что это преступленіе, по своей исключительности, вызываетъ необходимость новаго уголовного закона, спеціально таковое преступленіе карающаго.

При этомъ мы полагаемъ, что преслѣдованіе за это преступленіе, въ виду цѣли, достиженію коей оно направлено, и общепопасности его, должно преслѣдоваться не въ порядкѣ частнаго, а публичнаго обвиненія.

Указанная нами психологическая особенность причиняемыхъ хулиганами обидъ, ранъ, увѣчья и другихъ поврежденій здоровью даетъ намъ основаніе отнести хулигановъ къ той преступной группѣ людей,

о которыхъ профессоръ Бехтеревъ сказалъ: „какъ среди малолѣтнихъ, такъ и среди взрослыхъ преступниковъ, имѣются настоящіе выродки, которые подлежатъ болѣе вѣдѣнію психіатріи, чѣмъ юстиціи, не будучи, однако, душевно-больными“,—съ той, конечно, разницею, что съ такими не душевно-больными выродками, по нашему мнѣнію, больше дѣла обществу и юстиціи, чѣмъ психіатріи.

Къ такому заключенію слѣдуетъ придти въ виду того, что хотя у нѣкоторыхъ хулигановъ нравственное чувство значительно понижено, а у нѣкоторыхъ совсѣмъ притуплено преобладаніемъ низменныхъ, животныхъ чувствъ, но признать ихъ подлежащими болѣе психіатріи, чѣмъ юстиціи—едвали будетъ правильно, если не придерживаться крайнихъ теченій въ этой наукѣ, ибо нѣтъ ни одного изъ большинства преступниковъ вообще, въ которомъ не замѣчалось бы пониженія, притупленности нравственного чувства господствующими въ немъ порочными наклонностями, каковое пониженіе или притупленіе нравственного чувства является, по нашему мнѣнію, только простымъ показателемъ порочности натуры, но не признакомъ душевно-больного человѣка.

✓ Поэтому намъ думается, что въ дѣлѣ борьбы съ хулиганствомъ главными факторами должны быть мѣры, принимаемыя обществомъ, въ лицѣ земствъ и городовъ, и репрессивныя мѣры юстиціи, и что хотя юстиція не можетъ вообще обойтись безъ услугъ психіатріи, но, при наличности въ этой наукѣ крайнихъ теченій, должна пользоваться ея услугами съ крайнею осторожностію, осмотрительно, ибо наука, склонная признавать въ каждомъ преступникѣ признаки, если не безумія, то вырожденія, можетъ вовлечь юстицію на ложный путь увлеченія модными

въ наукѣ направленіями, а это будетъ противно задачамъ суда, въ основѣ вердиктовъ коего должна всегда лежать правда—и только правда, чтобы такыя вердикты могли имѣть воспитательное для народныхъ массъ значеніе, въ смыслѣ утвержденія въ нихъ чувства законности.

Иначе дѣйствуя, судъ внесетъ въ народное сознаніе не чувство законности, а деморализацію народныхъ массъ.

Не помню, кѣмъ было высказано въ періодической печати приблизительно такое сужденіе: въ послѣднее время въ Россіи очень часто оправдываютъ негодеевъ, объясняя все болѣзненнымъ состояніемъ и аффектами, между тѣмъ, эти оправдательные приговоры, это очевидное послабленіе и потворство къ добру не ведутъ, такъ какъ они деморализуютъ массу, притупляя въ ней чувство справедливости и развивая привычку видѣть порокъ безнаказаннымъ.

Въ этихъ словахъ звучитъ скорбный упрекъ суду, иногда уклоняющемуся отъ прямой своей задачи, поддаваясь вліянію модныхъ, крайнихъ направленій въ психіатріи.

А что такіе случаи бывали въ судебной практикѣ—тому служитъ указаніемъ недавній процессъ въ Москвѣ по дѣлу Прасолова, обвинявшагося въ убійствѣ жены,—процессъ, выдѣляющійся изъ ряда другихъ по бытовымъ, психологическимъ особенностямъ и особому юридическому интересу:

Хулиганы, главнымъ образомъ, проявляютъ себя въ большихъ городахъ, хотя и деревни, особенно пригородныя деревни, не чужды хулиганскимъ вы-

ступленіямъ, но здѣсь хулиганство, къ счастью, явленіе, въ большинствѣ случаевъ, занесенное изъ городовъ.

✓ Хулиганскія выступленія совершаются: по возрасту—взрослыми и несовершеннолѣтними, а по образованію—людьми темной, невѣжественной массы и людьми интеллигентной среды.

То обстоятельство, что въ средѣ хулигановъ наблюдаются люди изъ интеллигентной среды и изъ темной, невѣжественной народной массы, не можетъ не указывать на общность причинъ, обуславливающихъ это печальное явленіе, особо обострившееся въ наше время.

Поэтому, при обсужденіи вопроса о борьбѣ съ таковымъ явленіемъ, нельзя не считаться съ причинами, обуславливающими это явленіе, ибо, по нашему мнѣнію, не оздоровивъ источникъ, питающій хулиганство, мѣры уголовной репрессіи противъ него не могутъ сами по себѣ избавить общество отъ преступныхъ хулиганскихъ выступленій.

Въ виду этого намъ представляется уместнымъ, по своей цѣлесообразности, прежде, чѣмъ коснуться вопроса о мѣрахъ уголовной репрессіи противъ хулиганства, сказать хоть нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя культивируютъ въ нашемъ обществѣ хулигановъ, и о мѣрахъ, которыя должны быть приняты обществомъ, въ лицѣ земствъ и городовъ, помимо мѣръ уголовной репрессіи

✓ Мы сказали уже, что причины, вызывающія хулиганство, общія, какъ для интеллигентной среды, такъ и для темной, невѣжественной народной массы.

✓ Такою общею причиною мы считаемъ наблюдавшійся раньше и особо обострившійся въ наше время упадокъ религіозно-нравственныхъ началъ въ семьѣ и вытекающій отсюда развалъ семьи, какъ среди интеллигенціи, такъ и среди темной, невѣжественной, по преимуществу городской народной массы. Въ средѣ народной хулиганство—это дитя невѣжества и нужды и сопряженныхъ съ ними порочныхъ, низменныхъ наклонностей, а въ интеллигентной средѣ хулиганство—это дитя нездороваго уклада интеллигентной семьи, въ одинаковой мѣрѣ развращающаго душу и уродующаго нравственный обликъ дѣтей, вслѣдствіе чего наши дѣти начинаютъ рано жить жизнью взрослыхъ, отцвѣтають, такъ сказать, не успѣвши расцвѣсть,—отсюда притупленіе психики, въ смыслѣ нравственнаго чувства, недовольство, отвращеніе къ жизни, усталость жизнью и отчаяніе, влекущія за собою или самоубійство дѣтей, или вырожденіе ихъ въ хулигановъ.

✓ Въ основѣ наблюдаемаго нездороваго уклада семьи народной массы лежитъ, какъ мы сказали, упадокъ религіозно-нравственныхъ началъ, нужда, невѣжество и сопряженная съ ними порочность, а въ интеллигентной семьѣ—то, особо обострившееся въ наше время и вытекающее изъ упадка религіозно-нравственныхъ началъ, печальное обстоятельство, что многіе изъ матерей и женъ стали грубо эгоистичны, увлекшись проповѣдью, такъ называемой, свободной любви,—проповѣдью не новою, но получившею въ наше время особо яркое освѣщеніе во всѣхъ своихъ деталяхъ.

✓ Культъ этой эгоистической любви и не можетъ, по своему существу, не расшатывать устоевъ семьи, такъ какъ дѣти для такихъ матерей являются не

предметомъ ихъ нѣжной, материнской ласки, въ смыслѣ нравственнаго воспитанія, а враждебнымъ для нихъ элементомъ, ибо мѣшаютъ имъ жить въ свое исключительное удовольствіе; дѣти такихъ матерей, не зная материнской ласки, отчуждаются отъ нихъ и растутъ исключительно подъ дурнымъ воздействиемъ на нихъ всѣхъ дразгъ и эксцессовъ, при-сущихъ такимъ семьямъ, уродующихъ нравственный обликъ дѣтей. Да, собственно говоря, отъ такихъ матерей нельзя и ожидать никакого нравственнаго воздействия на дѣтей, ибо въ нихъ заглушено низменными, эгоистичными побужденіями и желаніями сознаніе лежащаго на нихъ долга предъ обществомъ и Родиною, какъ воспитательницъ, въ лицѣ своихъ дѣтей, будущаго поколѣнія.

Гдѣ та крѣпкая, русская семья, — говоритъ А. Мишинъ, — которая дала намъ столько сильныхъ, прекрасныхъ характеровъ, прививая своимъ членамъ непоколебимыя нравственныя правила. Современная же семья въ большинствѣ случаевъ — нища духомъ. Она сама — разслаблена, развинчена и нуждается въ оздоровленіи. Главная ея основа — женщина-мать, женщина-жена и другъ, размѣнивается на мелочи, не довольствуется домашнимъ очагомъ и стремится куда-то, въ неопредѣленную даль феменизма. Мудрено ли, что домашній очагъ гаснетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ гаснетъ и замираетъ духъ народа.

✓ „У насъ нѣтъ семьи, дѣти — случайны. Причина этому нездоровому явленію та, что мы отошли отъ Христова идеала семьи, какъ малой церкви, спаянной духомъ великой любви“. (Изъ лекціи Н. В. Быкова).

Сколько въ этихъ немногихъ словахъ правды, — той горькой правды, которая должна привлечь вни-

маніе лучшихъ силъ нашего общества, чтобы оздоровить нашу семью поднятіемъ въ ней религіозно-нравственныхъ началъ, такъ какъ мѣры уголовной репрессіи, даже въ томъ лучшемъ случаѣ, если этими мѣрами будетъ достигаться исправленіе хулигановъ, оздоравливающаго воздѣйствія на источникъ, питающій хулиганство—семью не могутъ имѣть въ виду того, что уголовная репрессія поражаетъ хулиганскія вѣступленія, но не причины, вызывающія у насъ народженіе хулигановъ.

✓ Къ поднятію въ семьѣ религіозно-нравственныхъ началъ должны оказать свое воздѣйствіе Церковь и школа. Церковь—своею проповѣдью съ церковной кафедрой: простымъ, живымъ, убѣжденнымъ, трогаящимъ и умиляющимъ сердца слушателей словомъ. Школа должна поставить своею задачею не только надѣлать дѣтей свѣдѣніями, развивающими ихъ умъ, но и нравственно ихъ воспитывать: запечатлѣть въ ихъ дѣтской, воспріимчивой душѣ тѣ твердыя начала христіанской нравственности, на которыхъ создается нравственный обликъ дитяти и будущаго человѣка.

Такая задача школы не изъ легкихъ, такъ какъ требуетъ не только педагогической опытности, но и идейно-любовнаго отношенія къ дѣтямъ, а на такое самоотверженное служеніе дѣлу воспитанія мало способенъ мужчина: его отношеніе къ дѣтямъ страдаетъ формальностію, въ ущербъ сердечности, — онъ питаетъ умъ дѣтей, но мало питаетъ сердце ихъ всѣмъ тѣмъ, что будитъ въ немъ стремленіе къ возвышенному и формируетъ нравственный обликъ дѣтей.

Поэтому осуществленіе этой великой, святой миссіи въ дѣлѣ воспитанія должно быть возложено не на учителя, а на учительницу—воспитательницу,

въ сердцѣ которой, какъ правильно замѣчаетъ М. И. Михельсонъ, Богомъ вложено чувство любви, долго-терпѣнія и самоотверженія.

✓ О высокихъ педагогическихъ качествахъ учительницы въ дѣлѣ воспитанія дѣтей педагогъ К. Ельницкій говоритъ такъ: „существенное воспитательное вліяніе на учащихся учительница оказываетъ и своими личными качествами, и собственнымъ примѣромъ. Будучи аккуратной, трудолюбивой, терпѣливой и сострадательной, она воспитываетъ и въ ученикахъ такія же добрыя начала. Поддерживая въ школѣ чистоту и порядокъ, она приучаетъ дѣтей къ опрятности и порядку. Обладая природнымъ эстетическимъ вкусомъ и чувствомъ и проявляя таковыя въ своей жизни и дѣятельности, она тѣмъ самымъ облагораживаетъ чувство и вкусъ своихъ учениковъ. Будучи проникнутой идеальнымъ стремленіемъ и трудясь большею частію по высшимъ побужденіямъ, она сѣетъ въ душѣ учениковъ сѣмена лучшихъ идеальныхъ стремленій. Обладая такимъ нравственнымъ чувствомъ, учительница и своему обученію придаетъ нравственный характеръ. Разсказываетъ ли она ученикамъ историческія событія, она освѣщаетъ эти событія съ нравственной точки зрѣнія; объясняетъ ли она имъ стихотвореніе или басню, она удачно освѣщаетъ нравственный смыслъ объясняемаго произведенія; читаетъ ли съ ними главу изъ священной исторіи, она, относясь къ читаемому съ религиознымъ благоговѣніемъ, возбуждаетъ и въ ученикахъ такое же настроеніе“. „Сознавая, что въ дѣлѣ воспитанія не только крупныя, но и мелкія, повидимому, упущенія влекутъ за собою важныя послѣдствія, женщина—воспитательница съ одинаковымъ вниманіемъ относится ко всѣмъ явленіямъ жизни дѣтей. Она бди-

тельно охраняетъ ихъ отъ зла и приучаетъ ихъ къ добру. Она вліяетъ на нихъ и примѣромъ, и наставленіемъ, и участливо бдительнымъ надзоромъ, и вообще всѣми средствами, какими располагаетъ для надлежащаго выполненія своего высокаго призванія, и дѣти чувствуютъ ея материнскую заботливость о нихъ и льнутъ къ ней, какъ къ родной матери“. „Она заботливо воспитываетъ дѣтей и по требованію своего сердца, и по ясному сознанію своей отвѣтственности предъ Промысломъ, вручившимъ ей дѣтей, предъ отечествомъ, будущихъ гражданъ котораго она воспитываетъ, и предъ самими дѣтьми“.

✓ Такія учительницы—воспитальницы, по нашему глубокому убѣжденію, только и могутъ создать нравственный обликъ дѣтей вообще и въ частности—ту нравственную красоту женщины, которая—какъ говоритъ проф. Сперанскій,—исцѣлитъ униженныхъ и оскорбленныхъ, подыметъ падшихъ, чтобы вести міръ къ духовному возрожденію.

Въ педагогической дѣятельности такихъ учительницъ, воспитанныхъ въ духъ религіи, средняя школа, какъ питомникъ будущихъ матерей, нуждается не менѣе начальной школы, въ видахъ поднятія въ нашихъ семьяхъ религіозно-нравственного уровня, ибо наука даетъ намъ достаточно указаній на то, что въ психической жизни человѣка занимаютъ первое мѣсто эмоціи, существующія сами по себѣ, такъ какъ источникъ ихъ не умъ, а сердце и что не умъ господствуетъ надъ эмоціями, а эмоціи, имѣя своимъ источникомъ сердце, господствуютъ надъ умомъ, а отсюда, какъ логическое послѣдствіе, вытекаетъ то заключеніе, что религіозное чувство, какъ возбуждающее въ нашемъ сердцѣ стремленіе къ возвы-

шенному, должно лечь въ основу воспитанія, въ видахъ достиженія человѣкомъ нравственнаго совершенствованія.

Такъ, Вильямъ Джемсъ, нынѣ умершій профессоръ Горвардскаго университета, въ своей книгѣ „Многообразіе религіознаго опыта“, доказывая, что эмоціи берутъ свое начало въ совершенно иной области бытія, чѣмъ нашъ логическій умъ, между прочимъ, утверждаетъ, что только религіозное чувство, отраженное въ нашемъ сознаніи и дающее этому сознанію свѣтъ и теплоту, въ состояніи поднять человѣчество на высоту нравственнаго совершенствованія. Нашъ философъ Вл. Соловьевъ, въ своей книгѣ „Духов. основы жизни“ говоритъ: „Человѣкъ, отвращаясь отъ Божества, извращаетъ свою природу, наполняетъ дурнымъ содержаніемъ, пріобрѣтаетъ бессмысленные навыки и увлекается должною безпредѣльностью: безпредѣльнымъ самолюбіемъ, безцѣльнымъ умствованіемъ, безмѣрностью умственныхъ пожеланій“. Рибо, профессоръ въ Collège de France, въ своей книгѣ „Психологія чувствъ“ доказываетъ, что наши чувства или эмоціи занимаютъ во всемъ цѣломъ психической жизни человѣка первое мѣсто, что эмоціи не суть производныя, не суть виды или функціи сознанія, что онѣ существуютъ сами по себѣ, такъ какъ источникъ ихъ не умъ нашъ, а сердце, что не умъ нашъ господствуетъ надъ эмоціями, надъ нашими страстями, а страсти наши пускаютъ въ ходъ нашъ умъ, чтобы достигнуть своей цѣли и что умъ нашъ является въ роли не господина, а слуги. Ганри Маудсли, англійскій психіатръ, докторъ медицины Лондонскаго университета, въ своей книгѣ „Физиологія и патологія души“, между прочимъ, говоритъ, что страсти замѣчательно извращаютъ наши сужденія, уклоняя

ихъ то въ ту, то въ другую сторону, и что даже люди съ самымъ сильнымъ умственнымъ развитіемъ не въ состояніи управлять внезапно возникшими или слишкомъ сильными эмоціями. („Причина ненормальности воспитанія“, О. Л.).

Отсюда нельзя не видѣть, что люди науки, работавшіе этотъ вопросъ отдѣльно, разъединенные временемъ и пространствомъ, пришли къ одному и тому же заключенію о томъ, что въ психической жизни человѣка занимаютъ первое мѣсто эмоціи, существующія сами по себѣ, такъ какъ источникъ ихъ не умъ нашъ, а сердце и что не умъ господствуетъ надъ эмоціями, а эмоціи, имѣя своимъ источникомъ сердце, господствуютъ надъ умомъ,— т. е. указали намъ ту психическую область жизни человѣка, въ основѣ которой должно лежать религіозное чувство, какъ возбуждающее въ нашемъ сердцѣ стремленіе къ возвышенному, ибо, — какъ правильно говоритъ авторъ цитированной нами статьи, — сколько бы мы не развивали одинъ нашъ умъ, какъ бы мы его ни изощряли и ни надѣялись на него одного, все же запущенная и не культивированная нравственность будетъ тянуть человѣчество къ низу, а психическая жизнь въ ея цѣломъ, наша реальная жизнь все будетъ падать и падать.

Ошибка большинства—говоритъ проф. К. Э. Жаковъ,—отсутствіе религіознаго воспитанія. Слѣдствіемъ этого является неполнота развитія личности, односторонность ея, пустота въ душѣ, нравственная слабость. Религіозное чувство нужно для вдохновенія, для движенія впередъ, для развитія нравственнаго характера. Школьный возрастъ—время воспитанія правильныхъ понятій объ отношеніяхъ къ обществу, націи, отечеству, человѣчеству. Отсутствіе нравствен-

наго и гражданского воспитанія задерживаетъ эволюцію и прогрессъ.

Мы сказали, что нѣкоторыя интеллигентныя матери, по указанной нами причинѣ, смотря на своихъ дѣтей, какъ на враждебный имъ элементъ, лишаютъ ихъ материнской любви и ласки. въ смыслѣ нравственнаго воспитанія. Въ нѣкоторыхъ же семьяхъ народной, невѣжественной массы наблюдается совершенно другое явленіе; здѣсь мать оставляетъ своихъ дѣтей безъ любви, ласки и безъ призора подъ гнетомъ нужды, чтобы добыть имъ хоть кусокъ хлѣба,—оставляетъ ихъ не потому, что они мѣшаютъ ей, подобно нѣкоторымъ интеллигентнымъ матерямъ, жить во свое исключительное удовольствіе, а потому, что они мѣшаютъ ей работать на кусокъ хлѣба для нихъ же.

На помощь и этимъ труженицамъ-матерямъ должно придти общество, въ лицѣ земствъ и городовъ, планомѣрнымъ учрежденіемъ возможно большаго числа яслей и пріютовъ, въ которыхъ бы эти обездоленные матери, отправляясь на работу изъ-за куска хлѣба для дѣтей, могли бы оставлять своихъ дѣтей, и тѣмъ уберечь ихъ отъ истощенія голодомъ, нравственнаго одичанія и вырожденія въ хулигановъ.

Общество, въ средѣ котораго есть безпризорныя дѣти, не можетъ быть, на нашъ взглядъ, спокойно за свое будущее, и таковое общество, помимо велѣній совести, должно стремиться, по прямому расчету своей выгоды, къ принятію мѣръ, чтобы изъ этихъ дѣтей сдѣлать полезныхъ членовъ общегитія. А потому общество не должно предоставлять такихъ дѣтей самимъ себѣ, а обязано, кромѣ матеріальной помощи, согрѣть ихъ сиротство

любовію, отдать имъ побольше своей души, и этимъ самимъ, спасая въ нихъ человѣка, общество пріобрѣтеть въ нихъ не враговъ, а своихъ союзниковъ.

✓ Придти на помощь слабымъ и несчастнымъ дѣтямъ призываетъ съ высоты своего Престола и ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, великодушною волею КОТОРАГО учреждается въ С.-Петербургѣ всероссійское попечительство по охранѣ материнства и младенчества (Именной ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ Прав. Сенату 31 Мая 1913 г.).

✓ Вотъ тѣ общія мѣры воздѣйствія на источникъ, питающій хулиганство, которыя должны исходить отъ Церкви и общества, въ лицѣ земствъ и городовъ

Обращаясь за симъ къ вопросу о мѣрахъ уголовной репрессіи, вызываемыхъ преступными хулиганскими выступленіями, мы, придерживаясь высказаннаго нами взгляда на таковыя выступленія вообще, съ выдѣленіемъ изъ нихъ причиняемыхъ хулиганами обидъ, ранъ, увѣчья и другихъ поврежденій здоровью, какъ особое, по своимъ характеру и цѣли, преступленіе, полагаемъ: а) что это послѣднее преступленіе вызываетъ необходимость установленія новаго уголовного закона, спеціально карающаго это преступленіе; б) что преслѣдованіе за это преступленіе должно возбуждаться вообще, по указаннымъ нами раньше соображеніямъ, въ порядкѣ не частнаго, а публичнаго обвиненія и в) что „хулиганство“ содѣявшаго и другія преступленія должно разсматриваться вообще, какъ обстоятельство, усиливающее мѣру наказанія.

При этомъ, по нашему мнѣнію, кара за преступныя, хулиганскія выступленія вообще и въ частности—за причиненія обидъ, ранъ, увѣчья и другихъ

поврежденій здоровью должна быть, по своему существу, строга и сурова.

Въ Даніи дѣйствуетъ законъ, въ силу котораго хулиганы подвергаются добавочному тѣлесному наказанію.

Строгость кары находитъ оправданіе себѣ въ самой хулиганской, порочной натурѣ, въ которой нравственное чувство совсѣмъ притуплено господствомъ въ ней низменныхъ, животныхъ побужденій и что вслѣдствіе этого строгая кара, какъ можно надѣяться, будетъ достаточною мѣрою къ обузданію хулигановъ, такъ какъ только строгая кара можетъ сдѣлать для нихъ, какъ людей, лишенныхъ всякаго нравственнаго воспитанія, страшнымъ и самое преступленіе.

Для того же, чтобы строгая кара могла имѣть такое именно для хулигановъ значеніе, желательно, чтобы кара слѣдовала быстро, безъ всякой волокиты, вслѣдъ за содѣяніемъ ими преступленія.

„Новое Время“ рекомендуетъ, какъ мѣру борьбы съ хулиганствомъ, устройство рабочихъ домовъ, полагая, что не тюрьма, а рабочий домъ будетъ лучшей мѣрой наказанія для бездѣльника-хулигана, такъ какъ введеніе принудительнаго труда вообще, какъ наказаніе, будетъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ, а заполненіе хулиганами тюремъ, въ которыхъ еще не введена обязательная работа, и арестныхъ домовъ, гдѣ бездѣльникъ привыкаетъ еще къ большей лѣни, а небездѣльникъ развращается, нанесетъ къ тому еще существенный расходъ государству, а находящійся въ рабочемъ домѣ хулиганъ навѣрное окупитъ свое содержаніе.

„Сельскій Вѣстникъ“ находитъ, что ни благожелательное отношеніе къ хулиганамъ, ни доста-

вление имъ постоянной работы не избавить насъ отъ озорныхъ выходокъ со стороны хулигановъ, такъ какъ можно указать массу случаевъ, когда фабричные рабочіе, проработавъ цѣлый день, при возвращеніи домой, во время пути, допускали всевозможныя хулиганскія выходки безъ всякой видимой причины и что едва ли въ данномъ случаѣ поможетъ и развитіе просвѣщенія среди населенія, ибо статистика задержанныхъ и оштрафованныхъ за хулиганство, въ силу обязательныхъ постановленій о хулиганствѣ градоначальниковъ столицъ и нѣкоторыхъ губернаторовъ провинціальныхъ городовъ, показываетъ, что среди задержанныхъ значительный процентъ составляютъ интеллигенты, слѣдовательно, люди болѣе менѣе образованные и культурные. За симъ, поставивъ вопросъ, въ чемъ кроется истинная причина хулиганства и какъ бороться съ этимъ зломъ,—говорить, что истинная причина хулиганства—упадокъ вѣры, нравственности и страха Божія.

„Россія“, изъ которой мы извлекли это мнѣніе „Сельскаго Вѣстника“, отозвалась на это мнѣніе такъ: „Въ общемъ, это вѣрно, но, конечно, культурный подъемъ, который органически связанъ и съ извѣстнымъ нравственнымъ просвѣтленіемъ, непременно долженъ будетъ оказать самое благотворное вліяніе въ дѣлѣ борьбы съ народившимся хулиганствомъ“.

Мы уже высказали раньше свое мнѣніе, какими мѣрами надлежитъ обществу, въ лицѣ земствъ и городовъ, бороться съ источникомъ питающимъ у насъ рожденіе хулигановъ, указавъ, какъ на общую причину, вызывающую у насъ это печальное явленіе, какъ въ простой, невѣжественной средѣ, такъ и

въ интеллигентной средѣ—упадокъ въ семьѣ религиозно-нравственныхъ началъ и вытекающій отсюда развалъ семьи. Поэтому не будемъ возвращаться къ этому вопросу, а остановимся на рекомендуемыхъ „Новымъ Временемъ“ работныхъ домахъ, какъ мѣръ борьбы съ хулиганствомъ.

Учрежденіе работныхъ домовъ—идея симпатичная, но мы крайне сомнѣваемся въ цѣлесообразности примѣненія работныхъ домовъ къ хулиганамъ, какъ людямъ съ совѣтъ притупленнымъ нравственнымъ чувствомъ,—людямъ просто озвѣрѣлой натуры, такъ какъ для такихъ людей это наказаніе—слабо и примѣнять его къ нимъ въ надеждѣ, что принудительный трудъ будетъ имѣть на нихъ благотворное воздѣйствіе—едвали допустимо, при присущей имъ нравственной испорченности. Мы вообще слабо вѣримъ въ возможность исправленія хулигана, но твердо убѣждены въ томъ, что хулигановъ можетъ удержать отъ преступныхъ выступленій суровая кара, не исключаящая и тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ строгая, суровая кара одѣлаетъ для нихъ, какъ людей безъ всякаго нравственнаго воспитанія, самое преступленіе страшнымъ, въ силу чисто животнаго страха предъ грозящимъ имъ наказаніемъ,—въ силу того страха, который побуждаетъ и животное, напакостившее и наказанное, не дѣлать того, за что оно было строго наказано.

Дѣло,—какъ правильно сказалъ С. Н. Сыромятниковъ,—не въ числѣ ногъ и шерсти, отличающихъ волка отъ человѣка, а въ отличіи человѣческой души отъ волчьей. Когда этого отличія нѣтъ, тогда человѣческія права отнимаются отъ существа, облыжно называющаго себя человѣкомъ и ведущаго звѣриную жизнь:

Поэтому намъ думается, что мысль объ установленіи у насъ для хулигановъ добавочнаго тѣлеснаго наказанія не должно возмущать нашу совѣсть, ибо мягкое, гуманное, милостивое отношеніе къ хулиганамъ, людямъ озвѣрѣлой жизни, нарушить чувство справедливости къ ихъ жертвамъ,—что должно быть обязательно учтено, при выработкѣ мѣръ уголовной репрессіи противъ хулиганства, проявляемаго совершеннолѣтними хулиганскими, въ исправленіе которыхъ трудно вѣрится.

✓ По отношенію же малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ хулигановъ, быть можетъ, работные дома будутъ пригодны, такъ какъ здѣсь малолѣтство и несовершеннолѣтіе даютъ намъ основаніе надѣяться на возможность достигнуть исправленія ихъ порочной натуры путемъ правильно, планомерно поставленнаго принудительнаго труда, если, конечно, одновременно съ симъ будутъ принимаемы мѣры къ поднятію ихъ религіозно-нравственнаго уровня.

Сему послѣднему обстоятельству мы придаемъ особо важное значеніе, такъ какъ принудительный трудъ, какъ трудъ несвободный, подневольный, самъ по себѣ, безъ поднятія религіозно-нравственнаго уровня попавшихъ въ работный домъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ хулигановъ, не только не можетъ имѣть на нихъ благотѣльнаго воздѣйствія, а напротивъ того, еще можетъ больше озлитъ этихъ нравственныхъ выродковъ, ибо, по нашему мнѣнію, принудительный трудъ, утомляя хулигановъ физически и не питая ихъ сердца возбужденіемъ въ немъ стремленій къ добру, приведетъ не къ исправленію ихъ, а еще къ большому озлобленію ихъ порочной натуры.

Въ пользу учрежденія работныхъ домовъ для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ хулигановъ можно привести и то соображеніе, что ихъ, на нашъ взглядъ, нельзя помѣщать въ существующія у насъ исправительныя колоніи для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, ибо они, по своей особой нравственной испорченности, могутъ внести въ среду воспитанниковъ этихъ колоній начала крайней ихъ деморализаціи.

Для совершеннолѣтнихъ хулигановъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по обстоятельствамъ дѣла, подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ,—ниже котораго наказаніе для хулигана, по нашему мнѣнію, не должно быть,—представляется желательнымъ, чтобы таковое заключеніе имѣло характеръ одиночнаго заключенія и не менѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Это вызывается тѣмъ, что одиночное заключеніе въ тюрьмѣ придастъ такому заключенію болѣе строгій характеръ и, помимо этого, одиночное заключеніе, предупреждая тлетворное вліяніе хулигана на другихъ заключенныхъ, можетъ имѣть благотворное вліяніе на него самого, ибо, способствуя сосредоточиться надъ содѣянными озорствами, можетъ разбудить въ его порочной душѣ раскаяніе въ содѣянномъ. Хотя это и мало вѣроятно, но не исключается допустимость такого явленія въ единичныхъ случаяхъ.

Такова совокупность мѣръ, которыя должны быть приняты, какъ мѣры уголовной репрессіи, въ борьбѣ съ хулиганствомъ.

Мы не претендуемъ на непогрѣшимость нашего мнѣнія и высказали его, движимы единственно стремленіемъ служить къ выясненію даннаго вопроса.

М. А. Горановскій.

2554

6

9

23

Mem
5th

